

Золотая краска есть печать
инога царства.

*«Исторические корни
Волшебной сказки»,
Владимир Пропп*

ПРОЛОГ

*Великий лес
518 год от Золотого рассвета*

Великий лес ожидал. Его время истекало.

Время опадало вместе с листвой с деревьев, утекало с водой в ручьях, струилось, бежало между камнями и корнями древних елей, уходило вслед за солнцем.

Времени оставалось слишком мало.

Человек коснулся домовины окровавленной ладонью, вскинул голову к верхушкам деревьев, и лес медленно, устало скрипя, проложил тропу. Ступал человек неторопливо, он был стар и слаб, он тоже умирал. Мох проседал под его ногами, колючие лапы елей задевали макушку, и он лениво отводил их в стороны.

Он шёл долго, упорно. Мимо проехал чёрный всадник на чёрном коне. Человек даже не повернул головы.

Стемнело, а тропа всё не кончалась. Дыхание человека стало хриплым, шаг тяжёлым, но он не останавливался. Так же на ходу он достал нож, снова порезал ладонь и оставил кровавый отпечаток на ближайшем стволе, на другом, на третьем.

Лес посчитал, что этого достаточно.

Мимо проехал белый всадник на белом коне.

Резко, точно по щелчку пальцев, рассвело, и бледные лучи солнца пробились сквозь ветви деревьев.

Тропа привела к озеру. На берегу стояла старая, покрытая мхом каменная домовина. Человек прошёл по берегу ручья, остановился у домовины, погладил ладонью по её крыше. На воде встревоженно закричали утки и отплыли подальше.

Осторожно человек опустился на колени, заглянул внутрь доминины, но она оказалась пуста.

— Зачем? — прошипел змеиный голос за спиной. — Зачем ты пришёл?

Человек чуть повёл головой в сторону, но не обернулся. Уголок его губ приподнялся в улыбке.

— Зачем ты привёл меня к источнику?

— Чтобы ты увидел...

Лёгкий жаркий ветер пробежал по поверхности озера, бередя воду, дыхнул влагой в лицо человеку.

— Увидел что?

— Ш-што будет потеряно...

— Я и без этого знаю, потому и пришёл. — Он хотел повернуться, но вовремя остановил себя.

Лес дышал ему прямо в затылок, и ноздрей коснулся запах прелой листвы и свежей смолы.

— Знаеш-шь... но не видиш-шь...

— И что же я должен...

Человек не успел договорить. На голову ему накинута шкуру, схватили за плечи, потянули назад, спиной впечатали в землю, и та разверзлась под ним, поглотив целиком, сразу.

И трава мгновенно выросла на том месте. Плоть человека обратилась в прах и напитала собой землю. Красные копыта красного коня потоптались по той земле, выравнивая могильный холм, и подземные воды омыли человека, и кровь его пролилась в те воды и, смешавшись с ними, потекла по лесным ручьям и дальше в извилистые реки. Она убежала, а источник иссыхал, и чёрная пустая тварь подползала ближе к лесу, и там, где лапы её касались земли, расцветали ледяные цветы измороси.

Он наблюдал из речных вод, он слушал вместе с деревьями, которые напитал своей кровью, он следил золотыми горящими глазами каждой бесплотной тени, что бродила вокруг, как зима подбиралась всё ближе, как она касалась листьев деревьев и те облетали на промёрзлую землю.

— Если источник иссякнет, ничто уже не остановит...

— Если источник иссякнет, ничто уже не питает...

— Если источник иссякнет...

Бесплотные потерянные души замерли на самой границе Великого леса, устремив взгляд на мир людей. Если источник иссякнет,

они отправятся искать жизнь в другом месте. Они будут забирать чужие жизни, чтобы спасти свои.

Прах, подхваченный ветром, взлетел в небо. Великий лес тянулся с севера на юг, с востока на запад, и, кажется, не было ему конца. Далеко внизу ярко пылало озеро, а на берегу горела его могила, звала назад к себе. И прах вместе с дождём обрушился на берег и снова напитал землю и стал частью её, и кости вновь окрепли, и мясо naroslo на тех костях, и он выкарабкался из могилы, но уже не человеком.

Медведь резко распахнул глаза. Он по-прежнему лежал на земле, всё так же шумели волны на озере, облизывая песок, беспокойно крикали утки, и ветер шуршал в камышах.

Осторожно он пошевелил медвежьей своей лапой. Его старое имя должно было быть позабыто вместе с прошлой жизнью. Больше он не слуга своего бога, тот давно умер. Отныне тело и душа его только наполовину принадлежали человеку, на другую половину он стал частью Великого леса, частью силы, что даровала жизнь земле.

— Сколько осталось времени? — тихо, не шевелясь, спросил Медведь.

И лес ответил ему, едва шелестя листвой, уже не из-за спины, не чужим женским искажённым голосом, но откуда-то с вершин сосен вздохнул протяжно:

— *Ещё есть... но оно истекает...*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЁРТВАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1

*Ратиславия, Лисецкое княжество
544 г. от Золотого рассвета, месяц лютый*

В завывании ветра слышался голос.

Снег бился в ставни, рвался в щели. Даре казалось, что она видела, как ветер полз от закрытой двери по дубовому полу, тянулся белыми лапами к печи и вокруг тонкой паутинкой расплзался морозный узор.

Остальные не замечали ничего, они спали безмятежно. Позади тихо сопела Веся, и только тепло её тела согревало Дару. Не будь сестры рядом, она, верно, замёрзла бы насмерть.

Огонь в крови потух, и в груди чернела пустота. Разве так должно было быть? Разве ушла Морана, потеряла над ней власть, если смерть и зима владели Дарой до сих пор?

Холодно, как же было холодно. По коже бежали мурашки. Старый Барсук рассказывал, что злые духи ночи и мрака колют кожу тысячей острых когтей, вгрызаются в плоть тысячью клыков. Верно, они выпьют всю жизнь из Дары, осушат досуха.

«Всё это лишь глупости, дурные выдумки», — сказала она себе и опустила голову на подушку.

Её бил озноб, страх глодал изнутри.

Дара вслушивалась в злую песню зимней вьюги, в каждый шорох за окном. Ей чудилось, что по крыше ползал кто-то большой, тяжёлый, он скрёб по печной трубе когтистыми медвежьими лапами. Под ставни пролезла бледная худая рука.

Когда лесная ведьма стала такой трусихой? Когда золото утасло в крови и смешалось со смолой или раньше, в княжеских покоях Златоборска?

Сестра спала мирно, крепко. Даре хотелось прижаться к ней ближе, но было жалко разбудить.

От печи шёл жар, но Дара его не чувствовала.

Ей вспомнился Совин, где холод каменной твердьни окружал со всех сторон, где от зимы спасал один только Милош. Где он? С кем? Чьи золотые волосы привиделись в речной воде? Дара всхлипнула от обиды. Как бы ни хотелось ненавидеть сокола, а больше всего на свете она желала снова с ним встретиться.

«Хотя бы на миг».

Черно было вокруг, тихо. Только вьюга билась в двери.

Стук.

Дара вырвалась из дрёмы, подскочила на печи.

Неужто дурной сон?

Веся по-прежнему спала, даже Стрела, примостившийся на лавке у стены, не вздрогнул.

Дара прищурилась, пригляделась. Рассвет занимался по ту сторону двери, ярко пылал, словно в сени заглянуло утреннее солнце. Нет, не рассвет – то огонь чародея, что теперь куда сильнее лесной ведьмы.

– Уходи, – еле слышно прошептала девушка.

В сенях раздались тихие шаги, закрипела дверь, и чужак удался. Кто забыл запереть избу на ночь?

Горица перевернулась на другой бок, Стрела почесал во сне щеку. Они спали слишком крепко, словно на них наслали морок.

Медведь не уходил со двора, он дожидался лесной ведьмы. Дара и объяснить не могла, как это почувствовала, откуда узнала, но поняла ясно, что волхв не уйдёт, покуда с ней не увидится.

Что случится, если Дара не выйдет?

Позади вдруг закашляла Веся. Сестра задрожала, затряслась, и грудь разорвал страшный кашель. Она так и не проснулась, с закрытыми глазами схватилась руками за шею, словно пытаясь сдержать хрипы. Рот её вдруг почернел.

Дара склонилась над сестрой, коснулась ладонью щеки. Что это? Что льётся из её рта?

Пахло кровью.

– Хватит! Я иду! – выкрикнула Дара в отчаянии.

Никто так и не проснулся.

Но Веся вдруг снова вздохнула полной грудью, шумно, жадно и заснула крепче прежнего.

Дара спустилась с печи, оделась в полной темноте.

В распахнутую сенную дверь заносило снег, целый сугроб успело наместить. Дара вышла на улицу.

Вокруг избы кружил в хороводе ветер.

Медведь ждал прямо напротив крыльца. Он стоял на задних лапах. Огромный, страшный, дикий. Не зря его издревле звали хозяином леса, среди зверей нет никого сильнее.

– Что тебе нужно, Дедушка?! – Слова унёс прочь испуганный ветер.

Чудовищный зверь чернел огромной тенью среди седого снега. Он молчал, и точно назло вьюга завизжала сильнее, и дверь позади с грохотом захлопнулась. В страхе задрезжали ставни на окнах.

Снег колот щёки, летел в глаза. Дара прикрыла платком лицо, прищурилась, но всё равно с трудом различила волхва напротив.

– Ты можешь сколько угодно угрожать моей сестре, но я снова заполучу силу и тогда отомщу! – пригрозила Дара, кусая губы. – Отступи! Я сильнее тебя!

Он не шевелился. Медвежья голова замерла высоко, гордо. Его будто вовсе не тревожила вьюга.

Ветер задувал под подол. Дара поёжилась.

– Что молчишь? – тихо спросила она в отчаянии.

Медведь будто её не слышал. Может, он вовсе не понимал человеческой речи?

Он опустился на передние лапы.

Дара в ужасе шагнула назад.

Не человек то был в звериной шкуре. Даже не волхв в чужом обличье.

Медведь хищно сверкнул золотом глаз.

Ноги Дары подкосились. Она рухнула без сил, как птица раскинула беспомощно руки, уткнулась лицом в снег, попыталась подняться, но не смогла. Тело не слушалось её, не ей оно принадлежало. Снег засыпал сверху, рос в высокий курган, последние искры золота утекали прочь, и Дара обращалась в лёд и воду, чтобы впитаться в сырую землю по весне, прорасти травой, остаться в земле и землёю стать. Она чувствовала, как прорастали через её тело травы, как её кости обвивали корни деревьев, как разрывали они грудь, как пожирали черви плоть, как чёрные косы обращались в прах, как бежало стремительно быстро время, утекало золотым ручьём прочь, и не осталось на всём белом свете ничего от дочки мельника и ведьмы.

И став землёй, она услышала, наконец, её стон, почувствовала запах гниющей плоти. Жизнь её иссякала. Огонь в сердце потухал.

Она умирала.

И когда минули сотни зим, когда лес забрал своё и позабыл о том, когда земля остыла, и погасли все золотые огни, то тени стали пусты и голодны, а Дара проснулась на печи.

Позади спокойно дышала Веся. Тихо было за окном.

Дара прислушалась к дыханию сестры, повернула голову, чтобы подсмотреть, как заплетает волосы сонная Горица. Женщина стрельнула злыми глазами, поджала недовольно губы. Промолчала. Она была теперь тиха, не говорила с Дарой, не ругала её. В том молчании и покорности слышался страх.

Лесная ведьма сожгла Совин — об этом знали даже в Лисецком княжестве, что уж говорить о тех, кто едва спасся в том пожаре?

Дару саму удивляло, как стыдно, неловко и неудобно ей становилось рядом с Горицей, как невыразимо больно было признавать, что не только разрушенный город её вина, но десятки, быть может, сотни смертей. Рдзенцы были жестоки к Даре, они разорвали бы ведьму на куски и сожгли на костре, как поступили до этого с Черनावой. «Будь у них власть и сила, они бы уничтожили и её дочь, а после их души не терзали бы сожаления», — так повторяла себе Дара каждый день перед сном, чтобы не думать об огне и дыме. Её загнали, как дикого зверя, и зверь оскалил зубы, он бился до последней крови. Зверь оказался сильнее человека, так за что его винить? За человеческую кровь на клыках?

И всё же молчаливое осуждение гнало Дару прочь. Она осторожно слезла с печи, стараясь не разбудить сестру, оделась, стыдливо озираясь на спящего Стрелу. Странно было делить избу с чужим мужчиной, но он теперь всегда находился рядом, стерёт Весняну, словно верный пёс.

Горица покосилась на Дару, но не стала ни о чём спрашивать, промолчала и, верно, вздохнула с облегчением, когда за той закрылась дверь.

Выюга стихла, и небо стало ослепительно-ясным. Снег мягкой периной стелился под ногами. Ночью замело тропинки и дорогу, Дара проваливалась в сугробы по колено, спускаясь к ключу.

Они прибыли в деревеньку к северу от Лисецка прошлым вечером, когда солнце уже клонилось к земле. Хозяйка избы, где разместили их с Весей, разволновалась из-за прибытия гостей, посетовала, что питьевой воды на всех не хватит, и тогда Дара с Весей вызвались сходить к ключу. Находился он недалеко, сразу за крайним домом, в овраге. Спуск был крутым, резким. За ночь ступени

занесло, и теперь Дара спускалась долго и осторожно, хватаясь за плетень, едва видневшийся из сугробов.

Стало тревожно, что вьюга замела и ключ, но, к счастью, его прикрывал собой большой камень, а вода пробивала путь в высоких сугробах.

Чем ниже спускалась Дара в овраг, тем выше поднимались вокруг заснеженные сосны. Весело журчал ключ, звал к себе, торопил. Сквозь мохнатые ветви деревьев прорывался солнечный свет, играя бликами на чёрных стволах.

Дара наконец пробралась к ключу и достала нож из кармана. Этот нож всем уступал скренорскому, который подарил Ярополк, и годился разве что для готовки, но плоть он резал так же хорошо, как и репу. Дара привыкла к боли, но всё равно закусила губу, провела лезвием по ладони. Горячая кровь задымилась на морозном воздухе.

Силы осталось совсем мало, и Дара понимала, что рана станет заживать долго, почти как у обычных людей. Но любопытство, мучительное, болезненное, оказалось сильнее. Чего стоила небольшая рана взамен на ответы?

Дара подобралась ближе к тому месту, где вода вырывалась из-под земли, опустила руку под струю, и кристальный, переливающийся на солнце поток окрасился алым. Она пришла к ключу за ответами, и один вопрос только крутился на языке, но проклятое сердце подвело, обмануло разум, и губы прошептали:

– Милош...

Имя слетело с языка, и не вернуть его было назад. Дара замерла, вглядываясь в воду, ругая себя за глупость. К чему тратить время и силы на человека, ставшего почти врагом?

Струя била в её ладонь, тысячью брызг разлеталась в стороны, но дальше по гладким камням бежала вода, и ведьма смотрела на игривые переливы, на тёмные камни, на тающий под натиском воды снег и кромку льда, смотрела до рези в глазах, до слёз на щеках, смотрела, пока не увидела в чудных бликах знакомую зелень глаз и непослушные пшеничные пряди, голые ветви нависших берёз и убегающую вдаль дорогу.

– Куда ты идёшь?

Яркий солнечный луч выстрелил из-за ветвей, и Дара зажмурилась от боли глаза. Она отпрянула и только тогда поняла, что солнце по-прежнему светило высоко над ней, а вовсе не в водах источника.

Рука онемела от холода, и кровь почти остановилась. Дара поспешила вновь опустить её под воду. На этот раз она сосредоточи-